

ЛИХО

МЕДЬ И МЁД

ДВЕНАДЦАТЬ ЖЕЛЕЗНЫХ
ЦЕПЕЙ

ИГЛА ИЗ СЕРЕБРА

Яна Лехчина

ЛИХО

МЕДЬ

И МЁД

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л53

Иллюстрация на переплёте *Тани Дюрер*
Карта на форзаце *Анастасии Андриановой*
Дизайн обложки *Кати Петровой*

Лехчина, Яна.

Л53   Лихо. Медь и мёд / Яна Лехчина. — Москва : Эксмо, 2024. — 480 с.

ISBN 978-5-04-178988-6

В северных лесах появилось лихо — получеловек-полуволок, созданный неизвестным колдуном. Народ напуган, а между чародейми зреет раздор: каждый стремится уличить другого в использовании запретных сил.

Колдунья Ольжана оставила один чародейский двор, чтобы примкнуть к другому, и это обернулось для неё бедой. Теперь чудовище идёт по её следу. Ольжана спасается в кибитке лекаря из ордена охотников на ведьм — вместе они пересекают страну, надеясь уйти от погони.

Улочки стольных городов, оживлённые базары, глухие деревни... Чародеи спорят, а лихо рыскает по болотам и туманным полям. Ольжана понимает, что ей не скрыться от чудовища — и что тот, кто его сотворил, желал лишь одного: посеять смуту.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-178988-6

© Лехчина Я., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Не буди лихо, пока оно тихо.
Русская пословица

ПРОЛОГ

Догорела одна из лучин, и в землянке стало ещё темнее, чем было.

Раздался тихий вздох — нет, мол, так никуда не годится. Не хватало ещё ворожить, подслеповато шурясь.

Пальцы нашарили другую лучину. Подожгли её, вставили в светец, но перед этим поднесли огонёк к лицу мужчины. Это был молодой дружинник из Стоегоста. Веки его дрогнули, но не поднялись — хорошо, значит, чары одурманили на славу.

Лицо дружинника до сих пор выглядело растерянным и хмурым. Оно было красиво, это лицо, — совестно портить то, над чем корпела природа, но что поделать? Легче было бы работать над тем, кто, ударившись в разгул, давно утратил человеческий облик, но такого ещё попробуй найди. Да не простого, а с раскрытой душой — чтобы проще распаривать. Не срослось. Как получилось, так получилось. Что теперь размышлять?

Рука метнулась выше, и лучина осветила стол целиком. Пожалуй, затащить сюда дружинника оказалось сложнейшим из всех дел. Стоегостский господарь не держал при себе хлипких юношей, а жаль — сослужил бы добрую службу тем, кто подыскивал себе жертву для тёмной ворожбы.

Снова — вздох.

Ах, ворожба.

Скажешь «Вольные господарства», и люди представят себе соборы и терема, пёстрые базары и разудалых воинов, что борются на поясах в ярмарочный день, — подходите ближе, румяные зеваки, да полюбуйте, каких силачей рождает эта страна!.. Люди вспомнят о хитрых бравых господарях, которые то воюют с соседями, то сватают за них своих дочерей. Вспомнят и об их господарынях: пока одна кротко прячется в глубине расписных хоромин, другая подаёт послам чаши с ядом.

Все знают, что Вольные господарства — богатые, дикие земли. Их леса раскидисты. Их реки полноводны. Их полям не видать конца и края — чёрная почва благодатна для любых семян, но лучше прочего здесь всходят семена колдовства.

По лицу дружинника скользнула полоска света. Огонёк перекинулся с лучины на маковку восковой свечи. Одна свеча, вторая: фитили распускались колыхающимися цветами, совсем как в золотоглавых соборах.

Это становилось почти смешно. Нет уж, сейчас не до соборов, и думать хотелось совсем не о них, а о колдовском ремесле.

Если скажешь «колдуны Вольных господарств», люди — и чужаки, и сами господарцы — скорее переиначат сплетни о чародейских дворах пана Авро и госпожи Кажимеры, словно и нет других дворов. Охотно расскажут о тысячеком старике, который учит своих подопечных менять внешность, точно одежды, и вспомнят о женщине, в чьём тереме живёт множество чародеек-птиц — эти девушки распутывают ниточки человеческого разума и ловко свивают их заново. Они играют чувствами и воспоминаниями так же, как двор пана Авро — телами. Но эта волшба — для дворцовой борьбы и шёлкового наушничества, а Вольные господарства — больше, чем стольные города.

Не правда ли, *дружинник*?

Скрипнул стул. На стол поменьше высыпались ножи и иглы, причудливые щипцы и исписанные листы пер-

гамента и жёлтой бумаги. На одних виднелись только крючковатые буквы, на других — ещё и чернильные рисунки. Это было грозное существо — получеловек-полу-волк, нарисованный с одного бока и другого, по грудь и в полный рост.

Волчьи шкуры лежали тут же, на полу. А рядом — череп, скалящийся пустой хищной пастью.

Это была славная задумка: страх неведомого зверья у господарцев в крови. Узнаешь, где оно рыскает, если выглянешь за городские стены и посмотришь на север — туда, где туманные боры и бездонные реки. Здесь между соседними деревнями — долгие, долгие вёрсты да перекошенные избы, огороженные частоколом. На дверях — охранительные знаки, ибо никогда не знаешь, кто попросится на твой порог. Живой или мёртвый? А может, то принесло чародеев из лесных чертогов?

Все в господарствах суеверны, но никто не блюдёт древние обычаи ревностнее, чем жители далёких селений. Они-то знают — промашка дорого обойдётся. Так и следуют старым заветам: не ходи проверять, если ночью услышишь, как кто-то скребётся в твои ворота. Не купайся в цветущем озере. Не позволяй человеку, которому не доверяешь так же, как самому себе, увести тебя в чашу — даже если твой проводник выглядит безобидным.

Или *особенно*, если твой проводник выглядит безобидным. Из тех, что дружинников на стол играючи не закидывают.

Уголок рта оттянулся, насмешливо прищёлкнул: да уж, этому воину следовало быть осмотрительнее! Если он и покидал родной Стоегост, то наверняка по поручению своего господаря — собирать дань и усмирять непокорных. Едва ли няньки пели ему о зимних ночах и волках-оборотнях, воющих на белолицую луну. Скорее баяли о ратных подвигах, но где они сейчас, эти подвиги? Помогут ли дружиннику его кинжал или лук? Выручат ли крепкие кулаки?

Не помогут. Не выручат. Потому что в этих землях есть сила куда страшнее.

Стул закрипел снова — довольно расслаживаться. На стену, медовую в отблеске свечей, легла тень.

Руки ошупали скулы, челюсть и подбородок — крепки ли у дружинника кости, толста ли кожа? Перед тем как начать, следовало оценить гибкость суставов, измерить частоту дыхания и сердечного стука... А потом — стянуть с тела одежду и обтереть его тряпичей, смоченной в крепкой настойке.

Тень на стене удлинилась, сгорбилась.

Пальцы продолжили скользящий бег, но теперь под подушечками заклубилась чёрная волшба. Прикосновения оставляли на дружиннике следы, похожие на сажевые росчерки. Метки на лице и шее, животе и рёбрах, конечностях — словно портной подготавливала ткань к раскрою.

Из инструментов на столе выбрать тонкий нож, прокалить его над свечным огнём... Лезвие не успело проложить первую линию вдоль грудины, когда дружинник встрепенулся и приподнял веки. Глаза его были шальными, невидящими.

Зрачки тревожно забегали и с трудом остановились на чужом лице.

— Ты? — Дружинник облизнул губы. Ему не было больно, только страшно. — Что... где...

В глазах — ни единой целой мысли.

— Всё хорошо. — Голос успокаивающий и почти ласковый, будто дружинника не удерживали здесь силой. — Не тревожься.

Рука подхватила чистую тряпицу и промокнула начатый разрез.

Дружинник мотнул головой, но не сумел завершить движение — на него с новой силой навалилась дурманная кодовская тяжесть.

— Отпусти, — прохрипел только. — Пожалуйста.

— Обязательно отпущу. — Это даже не ложь, а изящная полуправда. — Чуть позже.

Взгляд дружинника снова дёрнулся, остекленел. Слепо скользнул по заколоченному оконцу и низенькому потолку.

— Сейчас, — повторил упрямо. Волшба не оставила в нём ярости, и по его щеке, едва не смазав росчерк, скользнула бессильная злая слеза.

В этот раз ему не ответили — чары окрепли, и дружинник вновь провалился в сон. А тонкий нож продолжил своё дело — сместился и замер над дружинниковым сердцем. Оно билось ровно, но медленно, и сквозило от него грубым чародейством: точно хотели осторожно поддеть жилку, но вместо острого инструмента использовали тупой — вот и пробили, расковыряли... Обыкновенно ученицам госпожи Кажимеры ничего не стоило приворожить такого молодого воина, как этот, но, видно, над беднягой орудовала совсем неумелая девица. Вот и истаскала душу так, что теперь та сама расслаивалась и отходила от тела, как переваренное мясо — от костей. Удобное сырьё для ворожбы, ничего не скажешь. Режь и шей как вздумается.

Вот и оставалось резать и шить — кожу и связки, жилы и мышцы... Отчаяние и жажду мести. Переворачивать, полосовать и накладывать ровные стежки. Сплавлять человеческое тело с чёрными дымными чарами и приваривать его к волчьим шкурам. Крошить душу и лепить из неё новую, поизмученнее.

Свечи таяли и капали воском. Тень на стене то устало распрямлялась, то сутулилась ещё сильнее.

В корыто на полу падали намокшие тряпицы и иглы с затупленными ножами: кровь на них была уже не красная, а вязко-чёрная, словно смола. Такая принадлежала не человеку и не зверю — чудовишу.

Обе руки были заняты. Правая шила, левая придерживала края раны — оттого упавшую прядь волос пришлось убирать неловко, движением предплечья. Но лоб взмок, и прядь никак не убиралась.

Тяжело, конечно, но лишь потому, что долго — наверняка займёт не один день. Работа эта была кропотливая,

требующая сноровки и особой внимательности, а что о колдовстве... Если умение ляжет на характер — нет, совсем не тяжело. Напротив, не сыскалось бы дела легче, чем превращать человека в чудовище.

Иногда для этого даже не требовалось плести чары.

Глава I

Терем в чаще

Тук-тук-тук.

Сердце билось громко и горячо — того гляди и лопнет.

Грудь пылала, а язык присыхал к нёбу. По ногам хлестала холодная трава. Руки с трудом удерживали ребёнка: Ясек был мал, но здоров и тяжёл, так тяжёл, что Ольжана не знала, сумеет ли его донести, — а над полем неумолимо вставало солнце.

Хрусть. Хр-русть.

Земля замёрзла за ночь, и теперь под подошвами ломалась ледяная корка. Ольжана бежала на восток, и у неё рябило в глазах от розовых и рыжих полос. Всё виделось в розовом и рыжем: заиндевшая трава, светлеющее небо и холм, на котором стояла родная деревня.

Только лес, оставшийся за их с братом спинами, был чёрным.

Ольжана оглянулась — над деревьями с граем кружили птицы. В их деревне говорили: никогда не знаешь, какое животное в Чернолесье взаправду животное, а не ученик колдуна, живущего в чаще.

Превеликие Персты! Или Тайные Люди, Ольжана не знала, к кому ей взывать. У неё колело в боку, а на глаза наворачивались слёзы. Колдун из леса сказал: если Ольжана не успеет вернуть брата домой до рассвета, то он его заберёт, — а солнце вставало так быстро...

Ольжана споткнулась и покати́лась кубарем по траве. Ясек выскользнул из её хватки, но не заревел, только захныкал — недаром колдун сморил его чарами.

В голове зазвенело. Мир стал расплывчатым, и мгновение Ольжана не понимала, где верх, а где низ. Подтянув к себе брата, она взбрыкнула ногами и попыталась встать — ничего не вышло. Ольжана промучилась всю ночь, надеясь выбраться из леса, а сейчас, когда уже видела свою деревню, понимала, что у неё не осталось сил.

Конечно, всё это было неспроста. Ольжана не понравилась колдуну, назвавшемуся ей Йоваром, хозяином Чернолесья. Он хотел поизмываться над ней и сделать всё, чтобы в его тереме остался Ясек, а не она. «Твой брат, — говорил он ей, — окажется полезнее, чем ты». Ольжану, по словам колдуна, будет трудно обучить, она слишком взрослая — тринадцать лет, а зимой — уже четырнадцать. К тому же она девка, а с девками — тут он сплюнул — всегда много хлопот. Если уж можно выбирать, то кому нужны слуги, с которыми полно мороки?..

«Не на меня злись, — хмыкал Йовар, — а на своего папашу. В следующий раз неповадно будет врываться в мои владения».

А толку злиться?

Ольжана стиснула зубы, перехватила Ясека и поднялась на ноги одним неуклюжим рывком. Ей было до тошноты жарко — хотя здесь, на севере, не стоило бегать осенним утром в простом сарафане. Но ещё в лесу Ольжана стянула свою душегрею и обернула ею брата, чтобы тот не замёрз.

— Нам недалеко осталось. — Она торопилась, неловко подволакивая ногу. — Слышишь?

Ясек, наверное, не слышал, лишь морщился в чародейском сне.

— Чуть-чуть совсем. — Ольжане не хватало воздуха, но ей казалось, что если она замолчит, то развалится на части.

Чтоб его, колдуна! Он сам предложил отцу Ольжаны: если у того есть другие дети, пусть любой из них придёт и займёт место этого младенца. Видно, Йовар надеялся на кого угодно, только не на мягкотелую купеческую дочку — по Ольжане с первого взгляда было видно, до чего же она домашняя девочка.

Её губы были сухими и лопнули, стоило Ольжане утереть их рукавом. Она любила шитьё и сплетни и боялась не то что чёрного леса — своей тени; но это она была старшим ребёнком купца, свернувшим с большака в чащу, и это она подслушала, что отец — воротившийся без Ясека, за ночь постаревший лет на десять — рассказывал опешившей матери.

Солнце показалось наполовину. Ольжана поднималась по холму.

— Этот колдун — дурак, ты знаешь? — Она шумно дышала и смотрела перед собой стеклянным взглядом, а Ясек сопел ей в ответ. — Он решил, что я не успею и отдам тебя ему.

Она криво улыбнулась и перехватила Ясека под спину.

— Но я тебя не отдам.

Юрген даже не удивился, когда отыскал мальчишку на кухне. Где ещё отсиживаться новеньким? Чародейский терем был огромен, но никто бы не решился прятаться в чужих спальнях. Во дворе же часто упражнялись старшие ученики Йовара, напускавшие на себя такой грозный вид, что Юрген сам предпочёл бы держаться от них подальше, если бы был не юношей, а маленьким несмышлёнышем, только попавшим в услужение к колдуну.

— Ну. — Юрген пригнулся, чтобы не задеть дверной проём. — Давай знакомиться.

Их кухня была маленькая — даже чересчур маленькая для избы, где жило и воспитывалось больше десятка чародеев. Здесь редко готовили, за стряпню у них отвечала